

PF 2021 (76): 439–453

ISSN 0138-0567

Creative Commons (3.0 BY-NC-ND)

<https://doi.org/10.32798/pf.868>

ЕЛЕНА ПЕТРУХИНА

Московский государственный университет

им. М.В.Ломоносова, Москва

e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3603-7465>

СТЕПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

DEGREES OF DERIVATIONAL MOTIVATION IN DISCOURSE PERSPECTIVE (THE CASE OF RUSSIAN)

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of the motivation scale of word families that form derivational nests in Russian. The author also points to the weakening of semantic links within word families, leading to the eventual desemantization. The analysis takes into consideration affixal derivatives where either the root, the word-formation stem or the formative undergo motivation, as well as structures with a semantically empty root, the latter being typical of expressive colloquial derivatives. The occurrence of low-motivated words is also connected with historical processes in lexis, including the interaction of Old Russian with the Church Slavic language. The problem is illustrated by composite words with an initial element *благо-*. The actualization of the inner structure of such composite words, as well as the strengthening of their motivation is shown in religious discourse, seen as a collective conceptualizer expressing a religious worldview.

KEYWORDS: word formation, word-formation motivation, degrees of motivation, religious discourse

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словообразование, словообразовательная мотивация, степени мотивации, религиозный дискурс

SŁOWA KLUCZOWE: słowotwórstwo, motywacja słowotwórcza, stopień motywacji, dyskurs religijny

Трактовка словообразовательной мотивации: преемственность в славянской дериватологии

Исследование славянского синхронного словообразования в первой четверти 21-ого века характеризует та же динамика, что и в других областях лингвистики: все больший интерес вызывают когнитивные механизмы словопроизводства, реализующиеся в коммуникации. По мере развития этих тенденций становится очевидным, что они не противоречат системно-функциональным, ономаσιологическим и синтаксическим теориям словообразования, воплощенным на материале славянских языков в трудах М. Докулила, В. Дорошевского, Е. Куриловича, Г.О. Винокура, И.С. Улуханова, Е.А. Земской и других. В современной когнитивно-коммуникативной, интегрирующей и антропоцентрической научной парадигме славянское словообразование сохранило преемственность с ономаσιологическим, синтаксическим и семиотическим направлениями в дериватологии 20-го века. Такая преемственность прослеживается в частности в теории словообразовательной мотивации, которой посвящена данная статья.

Как известно, словообразовательная мотивация в работах Г.О. Винокура, И.С. Улуханова, в Русской грамматике (1980) определяется в рамках формально-семантических межсловных связей, т.е. как отношения между однокоренными словами, при которых «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы». В рустику последнее положение вошло как «принцип Винокура», сформулированный в его статье 1946 г. (Vinokur 1959 [1946], с. 420–421; ср. также *Russkaïā grammatika* 1980, с. 133). Но уже в 70-е годы XX в. Е.С. Кубрякова, развивая идеи В. Дорошевского об изучении словообразования на синтаксической основе (Doroszewski 1952), анализировала семантику производного слова (ПС) как «свернутое и получившее новую формальную структуру сообщение об определенных свойствах и атрибутах обозначаемого» (Kubrĭakova 1976). В последних своих работах Е.С. Кубрякова рассматривала ПС как компрессию поверхностной структуры не только словосочетания, предложения или описательной номинации, т.е. мотивирующего суждения, но и полного знания об обозначаемом фрагменте действительности, расширяя тем самым понятие мотивации, выводя его за рамки межсловных отношений (Kubrĭakova 2013, с. 25). Говорящие, пользуясь метонимическими механизмами переноса значений с целостных структур на его части и наоборот, восстанавливают не выраженные в структуре ПС семантические элементы, необходимые для его правильного понимания. В основе этого механизма инференции, т.е. логического

вывода, лежат знания говорящим обобщенных типов отношений между предметами и явлениями действительности (Kubrĭakova 1999).

К. Вашакова в своих исследованиях семантики и мотивации производных слов в их взаимодействии доказала плодотворность многих положений славянского словообразования 20-го века и определила перспективы его развития (Waszakowa 2015, 2016, 2017). В деривационных исследованиях К. Вашаковой говорящий предстает как концептуализатор, создающий в своей речевой деятельности образ действительности, в котором большую роль играют ПС как опорные единицы в сети семантических и концептуально-культурных взаимозависимостей (Waszakowa 2012, 2017). Такой подход является плодотворным при изучении моделей и функций словообразования в отдельной дискурсивной формации в связи с мировоззренческой спецификой выражаемых в ней знаний – об этом пойдет речь в последней части данной статьи при анализе русского церковно-религиозного (религиозного) дискурса.

В славистике на материале разных славянских языков была также поставлена актуальная проблема преодоления в деривационных исследованиях разрыва между синхронным и диахроническим словообразованием. И.С. Улуханов в частности обосновал концепцию объяснительного описания русского языка, когда при изучении синхронных связей и отношений между языковыми явлениями учитываются диахронические процессы и данные о происхождении языковых элементов. «Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» (Ulukhanov, 2005, с. 18–19). В рамках такого подхода была разработана теория о степенях мотивированности ПС (Ulukhanov, 2005, с. 50–60), которая рассматривается ниже.

Расширение понятия словообразовательной мотивации: степени мотивированности

Мотивация по формантной части. В русистике был обоснован целый ряд предложений по расширению понятия словообразовательной мотивации. Так, Е.С. Кубрякова считала, что распознавание ПС по корню или основе (отсылочной части) – это лишь одна из стратегий синхронной мотивации, что необходимо также учитывать роль «формантной части ПС» (Kubrĭakova 2013). Эта идея особенно важна для исследования экспрессивного словообразования в русской разговорной речи, где повышается

роль словообразовательных формантов и моделей при образовании экспрессивных слов с пустыми корнями типа *в-тюр-и(ть)ся* ('влюбиться'), которые образуются по аналогии с узуальными производными глаголами. Ср.: *при-шпандор-и(ть)* ('прикрепить кое-как') ← *при-дел-а(ть)*, *при-креп-и(ть)*, *при-би-(ть)*; *об-лапош-и(ть)*, *об-мишур-и(ть)* ('обмануть') ← *об-счит-а(ть)* ('неверно сосчитав, обмануть, недодать'), *об-вес-и(ть)* ('при взвешивании товара обмануть, недовесить'). Экспрессивный корень в таких дериватах незначим и условен, а их значение выводится из словообразовательных моделей: *при-0-(и)ть*, *об-0-и/-а(ть)*.

Семантически пустой корень может по форме совпадать с существующими в языке лексемами: так, разговорный и экспрессивный глагол *присобачить* (ср. *собака*), выражает то же самое, что и рассмотренный выше экспрессивный дериват *пришпандорить* (= 'прикрепить', 'приделать'). Ср. также другие разговорные дериваты: *колбаса* и разг. *наколбасить* ('натворить, что-то плохо сделать'), *мыло* и *намылиться* ('собраться куда-либо'). Ясная формальная мотивация корня свободной лексемой при полном отсутствии семантической связи между ними обуславливает экспрессивность производных подобного типа (заметим, что такая модель активно используется в деривации обценной лексики). В основе создания деривата с пустым корнем по аналогии с узуальными дериватами лежит ассоциативное связывание двух единиц, осмысляемых как сходные на основе их словообразовательной структуры. «Помещение новообразования в уже существующий словообразовательный ряд (даже и производимое мысленно) служит сигналом его мотивированности» (Kubřáková 2010, с. 22) даже при семантически пустом корне. Это отклонение от прототипического типа мотивации, определение которому было дано в начале статьи, расширяет понятие мотивации. Ниже мы рассмотрим основные типы подобных отклонений от прототипической мотивации в связи с вопросом о степенях мотивированности (мотивации).

Степени членимости основ и степени мотивации. Вопрос о степенях мотивированности возник в советской лингвистике в связи с дискуссией о степенях членимости слов (Panov 1975, 1999, с. 80–115). Степени членимости основ определяются возможностью повторения выделенных морфем с тем же значением в основах других слов. На одном «полюсе» этой шкалы находятся бесспорно и легко членимые основы 1-ой степени членимости, составные части которых (и корни, и аффиксы) обладают двусторонними связями (типа *домик*, *читатель*), на другом – основы с весьма затрудненной членимостью (4-ая степень) и нечленимые на морфемы слова, части которых формально могут повторяться в других словах (5-ая и 6-я степени членимости). Промежуточные (2-я и 3-я) степени членимости

характеризуют основы со свободным корнем и уникальными аффиксами. При 2-ой степени уникальные по форме аффиксы имеют ясное значение: например, суффикс (-*тух*) в слове *нас-тух* не повторяется в других словах, но синонимичен другим суффиксам (-*ец*, -*тель*, -*чик* и др.) со значением деятеля. В словах 3-й степени членимости (типа *стекл-ярус*, *кур-нос(ый)*, *ваз-он*) свободные корни (ср. *стекло*, *нос*, *ваза*) соединяются с уникальными как по форме, так и по значению аффиксами (-*ярус*, -*он*, *кур-*). Еще меньше степень членимости основ, в которых уникален корень, а аффиксы четкие и типовые, как в слове *буженина* (4-ая степень). Данная лексема входит в группу номинаций мяса животного с четко выделемым суффиксом -*ин*: *осетр-ин(а)*, *свин-ин(а)*, *баран-ин(а)*. Как было показано в начале данного раздела, слова с пустым корнем и четкими аффиксами активно производятся по продуктивным моделям в русской экспрессивной разговорной речи. В основах 5-й степени все формальные элементы, которые могли бы быть выделены как корни и аффиксы (например, в номинациях кустарников и ягод: *калина*, *крушина*, *смородина*), не могут быть семантически охарактеризованы вне данных слов, поэтому такие лексемы являются нечленимыми и могут быть разделены на составляющие лишь на субморфном уровне. К последней 6-ой степени на шкале членимости относятся слова, обладающие лишь формальным сходством составных частей с другими словами, с которыми на каком-то этапе исторического развития у них могли быть родственные связи, в современном языке полностью утраченные, например: *быть* и *забыть*, *завод* (авиационный) и *заводить*.

Рассмотренные степени членимости русских слов пересекаются со степенями мотивации, разработанными И.С. Улухановым. Слова с ясным корнем до 3-ей степени членимости (включительно) подходят под 1-ую степень мотивации, когда значение производящего слова полностью входит в значение производного. Остальные рассмотренные степени членимости могут быть связаны с 3-ей степенью мотивации, при которой ни один из семантических компонентов основы мотивирующего не входит в значение мотивированного.

Частичная мотивация. Теория степеней членимости не рассматривает пары и ряды однокоренных слов с ослабленными, но не утраченными в процессе исторического развития языка мотивационными связями. Таких однокоренных слов, сохраняющих некоторые общие семантические компоненты при разошедшихся значениях, в русском языке довольно много (как и в других славянских языках). «Частичное сохранение компонентов значения производящего в значении производного» И.С. Улуханов связал со 2-ой степенью мотивации (Ulukhanov 2005, с. 52, 57), которую можно проиллюстрировать такими примерами:

«Так, *булава* и *булавка* (некогда связанные как производящее и производное) в современном языке сохранили лишь общие компоненты «утолщение на одном конце» и сходство формы у палки и иглы, ср. значения этих слов (по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: *булава* «короткий жезл с шарообразной тяжелой головкой, символ власти военачальника, в старину – ударное оружие»; *булавка* – «игла с головкой, служащая для прикалывания или (с красивой головкой) для украшения» (Ozhegov, Shvedova 1992, с. 61). Сохранилось лишь весьма отдаленное сходство в форме при полном различии функций» (Ulukhanov 2005, с. 57).

«У глаголов *будить* и *возбудить* остался лишь общий компонент ‘приведение в активное состояние’ при отсутствии у *возбудить* значения перевода от сна к бодрствованию (в отличие от *будить* – *разбудить*) и наличии компонентов, связанных с эмоциональным состоянием» (Ulukhanov 2005, с. 57).

У слов *лик* и *безликий* при ослаблении мотивационных связей сохранился общий семантический элемент ‘индивидуальная форма’: *лик* его выражает, *безликий* отрицает. Ср. толкование этих слов в (Ozhegov, Shvedova 1992): *лик* – 1. Лицо (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах. 2. перен. Внешние очертания, видимая поверхность чего н. (книжн.); *безликий* – лишённый своеобразия, ярких, индивидуальных, характерных черт.

Ощущение морфемной сложности слова, его производности обусловлено этимологической рефлексией на слово носителей языка даже при ослаблении его смысловых связей с исторически родственными словами. По мнению некоторых лингвистов, из подобного противоречия между этимологической рефлексией и «наличным языковым сознанием» есть два выхода.

«Можно углублять этимологическую рефлексию, объясняя, как реально-исторически возникло то или иное слово, каковы его исторически родственные связи с другими словами и посредством понятия опрощения, понятия связанного корня, а также разного рода семантических сдвигов объяснять разрыв родственных связей этого слова. Но можно отбросить всякую этимологическую рефлексию и считать, что задача словообразования заключается только в том, чтобы описать наличное языковое сознание, каковое и объявляется критерием истины» (Kamchatnov 2013).

Если исходить из системы степеней мотивации И.С. Улуханова, то возможен третий, компромиссный, путь – признать частичную мотивацию в таких случаях, когда между однокоренными словами сохранились семантические пересечения, несмотря на затруднительность прямого использования мотивирующего в толковании мотивированного.

Слова с пониженной, но не утраченной полностью степенью мотивации не вызывают у носителей языка одинаковых и повторяющихся семантических ассоциаций, поэтому лингвисты нередко по-разному определяются

границы словообразовательных гнезд. В «Словообразовательном словаре русского языка» (ССРЯ 1985) А.Н. Тихонова по разным гнездам разведены такие слова, как *класть, клад, кладовая, кладбище*, а в Толковом словообразовательном словаре русского языка (ТССРЯ 2004) И.А. Ширшова они рассматриваются в одном словообразовательном гнезде. Последнее представляется закономерным, если признать 2-ую степень мотивации как достаточную, чтобы считать подобные слова однокоренными. Значения данных существительных, называющих место (*кладовая, кладбище*) и объект (*клад*), связаны с действиями, номинации которых включают семантический элемент 'класть, помещать'.

Для русского языка вопрос о слабомотивированных словах является чрезвычайно актуальным ввиду сложного взаимодействия близкородственных древнерусского и старославянского языков в диахронии. Русский язык наследовал большое число церковнославянизмов, а также модели сложных слов и целый комплекс словообразовательных формантов. «Сопряжение великорусской стихии с церковнославянской» усложнило лексическую и стилистическую систему русского языка (Trubetzkoi 1990: 123–124) и увеличило число слабомотивированных слов. Рассмотрим этот вопрос подробнее на материале сложных слов с компонентом *благо-*, унаследованных русским языком из церковнославянского языка. Наше исследование выявило большую роль текста и, шире, дискурса в усилении семантических связей слов с пониженной степенью мотивации и соответственно в усилении их мотивированности.

Роль церковно-религиозного дискурса в усилении мотивированности композитов с препозитивной частью *благо-*

Композиты церковнославянского происхождения в словарях русского языка. Сложные слова с первой частью *благо-* имеют церковнославянское происхождение, являясь, как правило, кальками древнегреческих композитов в переводных текстах духовно-религиозного содержания (как и композиты с корнями *добр-*, *бог-*, *правд-*, *жив-*, *мир-*, *душ-* и др.). Композиция признана одной из наиболее характерных особенностей книжно-церковных текстов Древней Руси (Chernysheva 2007, 70–72). Лексемы *Бог, благо, добро* становятся типовыми корнями, способными взаимодействовать со многими именами. Это и понятно: эти слова выражают ключевые понятия христианского вероучения. В Словаре русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII. Вып.1, 1975) с компонентом *благо-* представлено 563 сложных слова. В современном русском языке многие из таких композитов были утрачены. Это объясняется прежде всего обмирщением, секуляризацией языковой картины мира (ЯКМ), из которой ушло понимания Бога как важ-

ной категории человеческого бытия, определяющей не только духовную, но и всю жизнь человека в целом. Но, несмотря на это, русский язык все же сохранил многое из церковнославянского наследия. По данным Сводного словаря современной русской лексики (Сводный словарь 1991, 1, с. 90–91) в современном русском языке осталось около 150 сложных лексем с *благо-*, с учетом и суффиксальных дериватов. При этом композиты с препозитивной частью *благо-* занимают разное положение на шкале смысловой соотносительности однокоренных слов и степени их мотивации. Об этом свидетельствует разная трактовка словообразовательных гнезд, в которые они входят в словообразовательных словарях русского языка.

В ССРЯ А.Н. Тихонова слова с элементом *благо-* размещены в 23 отдельных гнездах. Исходные слова, составляющие вершины, соответственно трактуются как непроеизводные и неродственные (например, *благовест*, *благодарить*, *благонадежный*, *благообразный*). Данный факт, как и многие другие, свидетельствует о том, в ССРЯ при формировании словообразовательных гнезд признаются только четкие мотивационные связи, когда мотивирующее в полном объеме своей семантики может быть использовано при толковании мотивированного (соблюдается так называемый «принцип Винокура», упомянутый выше).

В ТСРЯ А.И. Ширшова (Shirshov 2004) большая часть лексем с *благо-*, а именно 129 единиц, вошли в одно гнездо (например: *благо*, *благовест*, *благовестить*, *благовидный*, *благоволение*, *благоволить*, *благовоние*, *благовонный*, *благовременный*, *благодарить*, *благодарный*, *благодарствовать*, *благодатный*, *благодать* и др.). Таким образом, в ТСРЯ учитываются сохранившиеся семантические связи композитов, включающих один и тот же препозитивный компонент. Разделяя такую точку зрения, рассмотрим, какие есть для этого основания в лексической и словообразовательной системе русского языка.

Исходная лексема *благо* в (Ozhegov, Shvedova 1992) имеет два значения: 1) 'добро', 2) 'счастье', что, по сути дела, совпадает с толкованием в «Полном церковнославянском словаре» о. Григория Дьяченко (D'ïachenko 1900): 'добро', 'доброе деяние'. Положительная этическая семантика сохраняется и в композитах с препозитивной частью *благо-*. В энциклопедическом словаре «Основы духовной культуры» отмечено, что от лексемы *благо* образовано много сложных слов, например *благовест*, *благовещание*, *благословение*, *благодать*, *благодаяние*, *благовоспитанный*, *благожелательный*. С ними связана «характеристика предметов, явлений или деяний, существующих ради добра или побуждающих проявиться положительной сущности кого бы или чего бы то ни было» (Bezrukova 2000). Этот семантический элемент, имеющий этическую ценность, в современном русском языке объединяет

большинство композитов с препозитивной частью *благо-*, несмотря на то, что внутренняя форма многих из них может быть ослаблена. Например, в нескольких десятках композитов буквальное «прочтение» их внутренней формы демонстрирует идею блага как дара – вторая часть включает корни глаголов *получить*, *дать*, *дарить*, например, *благ-о-получ-ие*, *благ-о-да-ть*, *благ-о-дар-и-ть*, *благ-о-дар-н-ый*, *благ-о-дар-ствова-ть*. Но при толковании этих слов данная идея не проявляется, т.е. лексическая семантика ее не отражает. Ср., например, *благ-о-получ-и(я)*: 1. 'Спокойное и счастливое состояние'. *Семейное благополучие. Желаю тебе всякого благополучия.* 2. 'Жизнь в довольстве, полная обеспеченность'. *Материальное благополучие* (Ozhegov, Shvedova 1992).

Аналогично асимметричное соотношение внутренней морфемной структуры и семантики лексемы *благ-о-дар-и-ть*: в ее значении не отражается комбинация смыслов 'благо' + 'дарить', которую можно было бы вывести из внутренней морфемной структуры, если истолковать ее буквально. Лишь в толкованиях лексемы *благодать* современные словари фиксируют смысл 'дар свыше, от Бога', связывая его с религиозной картиной мира, ср. третье значение в (Ozhegov, Shvedova 1992): 1. О чём-н. хорошем, имеющемся в изобилии (разг.). *В лесу всякая благодать: и грибы, и ягоды.* 2. в значении сказуемого: 'Очень хорошо, прекрасно (где-н.)'. *Весной здесь благодать!* 3. В религиозных представлениях: сила, ниспосланная человеку свыше (первоначально для исполнения воли Бога). *Благодать низошла на кого-н.* Этот смысл в семантике лексемы *благодать* актуализируется и становится основным в религиозном дискурсе, сходным образом у многих других композитов с *благо-* также проясняется и укрепляется их мотивация. Рассмотрим данный вопрос – усиление мотивационных связей композитов с *благо-* и прояснение их внутренней формы в религиозном дискурсе.

Композиты с препозитивной частью *благо-* в современном русском церковно-религиозном дискурсе. Основываясь на трактовке дискурса в работах М. Фуко и О.Г. Ревзиной (Fuko 1996, Revzina 2005), мы определяем церковно-религиозный (далее для краткости – религиозный) дискурс русского языка как одну из «дискурсивных формаций», как родовую категорию по отношению ко всем произнесенным и написанным текстам, имеющим определенную когнитивную и коммуникативную общность. Когнитивная общность рассматриваемой формации определяется религиозной картиной мира и связанной с ней системой знаний о мире. Изучение религиозного дискурса подтвердило тезис Ю.С. Степанова о том, что дискурс – это особое использование языка «для выражения особой ментальности». А «особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую

грамматику и особые правила лексики» (Stepanov 1995, с. 38–39), добавим также – особые модели словообразования.

Религиозный дискурс представлен целым рядом типов текста, таких как проповеди и послания священства, переводы на русский язык и толкования Священного Писания, объяснения церковных служб, жития святых людей, богословские научные и религиозные публицистические тексты. В некоторых своих публикациях мы отмечаем большое значение религиозного дискурса для сохранения высокого стиля русского языка (Petrukhhina 2013), несмотря на глобальное стилевое снижение речи, наблюдающееся в последние три десятилетия на всех уровнях коммуникации (Revzina 2012). Большую роль в создании высокого стиля религиозного дискурса играют композиты с корнем *благ-*. Ниже мы проанализируем их употребление на материале проповедей и религиозной публицистики двух известных современных священников, для которых характерен высокий стиль речи, – архимандрита Иоанна Крестьянкина (1910–2006) и протоиерея Артемия Владимирова.

В проповедях о. Иоанна Крестьянкина, представленных на сайте <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=745>, корень *благ-* встречается 515 раз в таких словах, которые однозначно воспринимаются как родственные, как *благо, благодать, благословение, благословенный, благоволить, благодатный, благоприятный, облагодетельствовать, благочестивый, благоденствие, благонамеренный, благоухание, благоволить, благоговейный, благодатный, благовестие, благополучие, благодущие, благодарность, благовестники, благородный, благородство* (приведены в порядке употребления) и др. Самые частотные композиты – *благодать* (114) и производное от него прилагательное *благодатный* (31), с основой *благослов(л)-* (102) (*благословление* – 43, *благословенный* – 19, *благословить / благословлять* – 37), *благодарность* (17). В их употреблении прослеживается реализация теоцентрической картины мира, характерной для религиозного дискурса во все периоды его функционирования. *Благо-* в сложных словах напрямую ассоциируется с идеей Бога и Его воздействием на человека, как, например, в приводимом ниже фрагменте проповеди о. Иоанна Крестьянкина:

*Она [Церковь] освящает наше появление в мир Таинством Крещения, сопровождает нашу жизнь **благодатными** дарами других Таинств и молитв. Напутствует нас в мир иной своими дивными песнопениями, разрешительными молитвами и **благословениями**. ... Это она, **благолепно** украшая наши дивные храмы святыми иконами, располагает нас к молитвенному возношению наших душ и сердец ко Господу Богу. Это она **улаживает, духовно питает и захватывает** наши души глубоким смыслом и стройностью своих богослужений. Это*

она освящает и укрепляет **благодатию** своих молитв и Таинств наши немощные, сиротливые души (Поучение в Неделю 1-ю Великого поста).

Сходным образом употребляются производные с благо- в произведениях о. Артемия Владимирова:

*Сокровенная молитва, мысленное призывание Господа Иисуса Христа, покаянное припадание к Его стопам, благодарственная песнь Его величию и прошение о милости Божией – суть достояние нашего духа. Прилежно молящийся человек ощущает **благодарное** изменение в собственной душе. Светлеет мысль, умиряется сердце, высвобождается из-под гнёта суетных пожеланий воля. **Благодарить**, посредством молитвы осеняющая ученика Христова, всё упорядочивает и **благоукрашает** в его внутреннем мире. Вот исходная точка, вот нравственное основание внешнего служения христианина! («Искусство словесного служения», 2010).*

В приведенных фрагментах повтор однокоренных слов с благо- и актуализация семантических словообразовательных связей создает особые стилистические фигуры, лейтмотив текста и на их основе глубинный смысл. Частотность и сетевое употребление композитов с благо- делает возможным соединение этого концептуально значимого элемента с новыми основами, как, например, в последнем фрагменте с глаголом *украшать* – появляется глагол *благоукрашать*, не отмеченный ни в словарях старославянского языка, ни в словарях современного русского языка. Этот глагол представлен лишь в Словаре Даля, в котором зафиксировано несколько десятков глаголов с благо-: *благорассудить*, *благоуправлять*, *благоуспевать*, *благоучреждать* и др. (Dal' 1956).

В приведенном выше тексте устаревший неупотребительный глагол воспринимается парадоксально – как потенциальный, контекстуальный, образованный по продуктивной модели.

Краткие выводы

В связи с анализом динамики синхронной смысловой соотносительности слов, обладающих формальным сходством, – от четкой мотивированности до полной десемантизации, новым в дериватологии было выделение слов второй и третьей степени мотивации (Ulukhanov 2005). По нашему мнению, анализ семантических связей однокоренных слов второй степени, типа *кладовая* (*класть*), *возбудить* (*будить*), и процессов деривации по продуктивным моделям слов с «пустыми» корнями, типа экспрессивных разговорных глаголов *втрескаться*, *втюриться* (по аналогии с *влюбить-ся*), свидетельствует о необходимости расширения понятия синхронной

мотивации, но с учетом разной ее степени. Подтверждением данного вывода является признание за словами второй степени статуса мотивированных в гнездовых словообразовательных словарях (ТССРЯ 2004).

Данные исторического словообразования, см. обзор в (Ulukhanov 2005), свидетельствуют о том, что в славянских языках много слабомотивированных слов, появившихся в результате сложного исторического развития отдельных лексем и лексики в целом. В результате длительного взаимодействия церковнославянского и русского языков особенно велика доля таких слов в русском лексиконе. Насущной задачей современного словообразования при изучении синхронных связей и мотивационных отношений между языковыми единицами считаем учет и диахронических процессов, в частности данных о происхождении языковых элементов. Особое значение имеет словообразовательная внутренняя форма слова, с диахронической точки зрения сохраняющая «отпечаток движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» (Potebniĭa 1999, с. 91, 156), а с синхронической – наглядно демонстрирующая актуальные для данного периода комбинации смыслов.

В заключительном разделе данной статьи на примере класса композитов с препозитивной частью *благо-* мы стремились показать, что в особом, церковно-религиозном, дискурсе современного русского языка семантические и мотивационные связи слабомотивированных лексем церковнославянского происхождения проясняются и углубляются. При этом их внутренняя форма актуализируется, отражая уже не слабый отпечаток, а четкое «движение мысли», их породившей. Корень *благ-* выступает в религиозном дискурсе как ключевой элемент, соотносящийся в композитообразовании с номинациями разнообразных объектов, качеств и явлений и тем самым создающий семантическую сеть мировоззренческих ориентиров, позволяющую предельно четко выразить основные идеи текста, направленные на утверждение спасительного воздействия Бога на человека в Церкви. Вне религиозного дискурса языковые единицы с *благо-* этот мировоззренческий смысл не выражают, о чем свидетельствует проведенный анализ словарных толкований некоторых лексем, но сохраняют высокую положительную, в том числе этическую, оценку в большинстве номинаций с данным компонентом, проявляя тем самым мотивационные связи с исходным компонентом *благо*.

Библиография

- Chernysheva, M.I. (2009). *Ukhdōiashchie slova, uskol'zaiushchie smysly*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pečati.
- Dokulil, M. (1962). *Tvořeni slov v češtině I. Teorie odvozování slov*. Praha.
- Doroszewski, W. (1952). *Podstawy gramatyki polskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Fuko, M. (1996). *Arkheologiiā znaniā*. Kiev: Nika-Tsentr.
- Kamchatnov, A.M. (2013). Lzheimennoe slovoobrazovanie, *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M.Gor'kogo*, № 3, 22–32.
- Kubrīakova, E.S. (1976). Teoriā motivāsii i opredelenie stepenei motivirovannosti proizvodnogo slova, *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniā. Nauchnye trudy*, № 174, 285–292.
- Kubrīakova, E.S. (1998). Aktual'nye problemy izučeniā slovoobrazovatel'nykh sistem slavjānskikh iazykov. W: *Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU. K KhII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov v Krakove. Vypusk 3 (53–71)*. Moskva: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova.
- Kubrīakova, E.S. (1999). Kognitivnye aspekty slovoobrazovaniā i svjā-zannye s nimi pravila inferenēsii (semanticheskogo vyvoda) W: R. Belentschikow (red.), *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3 (23–36)*. Frankfurt am Mein: Peter Lang.
- Kubrīakova, E.S. (2010). Rol' analogii v porozhdenii novykh proizvodnykh slov. Nove iavleniā v slavjānskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie. W: E.V. Petrukhina (red.), *Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferenēsii Komissii po slavjānskomu slovoobrazovaniū pri Mezhdunarodnom komitete slavistov (14–25)*. Moskva: MGU.
- Kubrīakova, E.S. (2013). O motivirovannosti proizvodnykh slov (kognitivno-semioticheskii aspekt problemy). W: K. Buzássyová, B. Chocholová (red.), *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka. Zborník zo 7. medzinárodnej konferencie Komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitete slavistov (Bratislava 27. 09–01.10.2004) (19–27)*. Bratislava: Veda.
- Panov, M.V. (1999). *Pozitsionnā morfologiā russkogo iazyka*. Moskva: Nauka – Shkola «IARK».
- Petrukhina, E.V. (2013). Osobnosti slovoobrazovaniā v šerkovno-religioznom diskurse russkogo iazyka: stilisticheskie funkēsii šerkovnoslavjānizmov. W: *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich / Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session. KhV International Congress of Slavists. Belarus, Minsk 20–27.08.2013 (110–135)*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego.
- Potebnā, A.A. (1999). *Mysl' i iazyk. Sobranie trudov*. Moskva: Labirint.

- Revzina, O.G. (2005). Diskurs i diskursivnye formaŝii, *Kritika i semiotika*, vyp. 8, 66–78.
- Revzina, O.G. (2012). Perestroika rusškoj stilističkoj sistemy v KhKhI veke. W: *Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Slaviânskie iazyki i kul'tury v sovremennom mire»*. *Trudy i materialy* (249–250). Moskva: MGU.
- Russkaia grammatika* (1980). T.1. Moskva: Nauka.
- Stepanov, Ŭ.S. (1995). Al'ternativnyj mir. Diskurs. W: *Fakt i prinŝip prichinnosti iazyk i nauka konŝa 20 veka* (35–73). Moskva: Institut iazykoznaniiâ RAN.
- Trubeŝkoj, N.S. (1990). Obshch斯拉виânskij element v rusškoj kul'ture, *Voprosy iazykoznaniiâ*, № 2–3, 122–139.
- Ulukhanov, I.S. (2005). *Motivaŝii v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo iazyka*. Moskva: Azbukovnik.
- Vinokur, G.O. (1959 [1946]). *Zametki po russkomu iazyku slovoobrazovaniiu. Izbrannye raboty po russkomu iazyku*. Moskva: Uchpedgiz.
- Waszakowa, K. (2012). Kognitywno-komunikatywna funkcja motywacji słowotwórczej. W: P. Dragićević (red.), *Tvorba reči i njeni pecypci y clovenskim jezicima* (53–64). Belgrad: Uniuersytet w Belgradzie.
- Waszakowa, K. (2015). Kognitywistyczne ujęcia derywatów słowotwórczych a koncepcja Miloša Dokulila, *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* LXXI, 111–126.
- Waszakowa, K. (2016). Aktualność niektórych idei i koncepcji teoretycznych Profesora Witolda Doroszewskiego z zakresu semantyki i słowotwórstwa, *Poradnik Językowy* 1, 31–44.
- Waszakowa, K. (2017). *Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa. Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim*. Warszawa: Wydawnictwo Wydziału Polonistyki Uniuersytetu Warszawskiego.

Словари

- Bezrukova V.S. (2000). Osnovy dukhovnoj kul'tury (ënsiklopedičeskij slovar' pedagoga). Ekaterinburg. Pozyskano z <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-193-3.htm#zag-273>
- D'iačhenko, G. (1903/2013). *Polnyj ŝserkovnoslaviânskij slovar'*. Pozyskano z http://www.slavdict.narod.ru/_0184.htm.
- Daľ, V. (1956). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*. Moskva: Nauka.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ŭ. (1992). *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka*. Moskva: Russkij iazyk.
- Shirshov, I.A. (2004). *Tolkovyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo iazyka*. Moskva: AST.
- Slovar' russkogo iazyka KhI-KhVII vv.* (1975) Moskva: Nauka.
- Svodnyj slovar' sovremennoj rusškoj leksiki* (1991). Moskva: Russkij iazyk.
- Tikhonov, A.N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo iazyka*. Moskva: Russkij iazyk.

Резюме

Статья посвящена анализу на материале русского языка шкалы словообразовательной мотивированности однокоренных слов и ослабления их семантических связей до полной десемантизации. Поставлен вопрос о мотивации производных слов не только корнем и основой, но и формантами. Возможна мотивация аффиксальной моделью при семантически пустом корне, это характерно для экспрессивного разговорного словообразования. Появление слабомотивированных слов также связано с историческими процессами в лексике, в том числе со взаимодействием древнерусского языка с церковнославянским. Данный вопрос рассматривается на материале композитов с препозитивной частью *благо-*. Показана актуализация внутренней структуры таких композитов и усиление их мотивации в религиозном дискурсе, выступающем как коллективный концептуализатор, выражающий религиозную картину мира.

STRESZCZENIE

STOPNIOWALNOŚĆ MOTYWACJI SŁOWOTWÓRCZEJ W PESPEKTYWIE DYSKURSU (NA MATERIALE JĘZYKA ROSYJSKIEGO)

Nawiązując do wybranej literatury przedmiotu, autorka prezentuje na materiale języka rosyjskiego zagadnienie stopnia motywacji słowotwórczej wyrazów o wspólnym rdzeniu, tworzących gniazdo słowotwórcze. Ukazuje także problemy dotyczące słabnięcia więzi semantycznej między wyrażeniem pochodnym a jego podstawą słowotwórczą, wskazując na skalarny charakter zjawiska: od pełnej motywacji do jej zaniku. Badaniu podlegają afiksalne wyrazy pochodne, zarówno te, w których motywacja dotyczy ich części rdzennej, tematu słowotwórczego oraz formantu, jak i struktur o rdzeniu pustym semantycznie. Niewielki rejestr tych drugich zostaje zlokalizowany w słownictwie potocznym o funkcji ekspresywnej. Kwestia osłabionej motywacji jest omawiana także w perspektywie historycznego rozwoju słownictwa, w tym interakcji między językiem starorosyjskim a cerkiewnosłowiańskim. Na materiale złożień z pierwszym członem *благо-* analizowana jest z jednej strony aktualizacja wewnętrznej struktury tego typu compositów, zaś z drugiej – wzmocnienie ich motywacji słowotwórczej w dyskursie religijnym, pełniącym rolę kolektywnego konceptualizatora wyrażającego religijny obraz świata.

ЕЛЕНА ПЕТРУХИНА

Кафедра русского языка

Филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

119991, Москва, Россия